

ПОДБОРКА СТИХОВ

СТИХИ

Анна РЕВЯКИНА

Родилась и выросла в Донецке. Автор одиннадцати поэтических книг. Окончила Донецкий национальный университет по специальностям «экономика» и «журналистика». Кандидат экономических наук. Доцент факультета мировой политики МГУ имени Ломоносова.

Стихи переведены на шестнадцать языков. Лауреат множества национальных и международных литературных премий. По произведениям Анны Ревякиной ставят спектакли, снимают фильмы и пишут песни. Её стихи входят в школьные программы. Член Общественной палаты России. Член СПР, СП ДНР и СП Республики Крым. Живёт в Донецке и Москве.

---

* * *

А знаешь, я, привыкшая молчать,
нести клеймо — чернильную печать,
скажу, не поднимая взгляд от книги,
о том, как в декабре сгустился снег.
И кто-то, попросившись на ночлег,
принёс лукошко спелой земляники.

И грянул май. Родился и уснул.
Восторженный отец снежинки сдул.
И мы молчали рядом с колыбелью.
Он спал так тихо, что, боясь дышать,
век не смыкая, молодая мать
не прикасалась больше к рукоделью.

Но город всё же замело к утру.
Ты мне сказал: «Я больше не умру,
хотя ещё вчера хотел со всеми».

Душа завёрнута в небесную фольгу.
Неужто ты её хотел врагу
отдать за место в новой мир-системе?

И превратится кажимое в явь —
в одну из четырёх донецких глав.
В непрочный сплав тоски, вины и боли.
И город сам вдруг встанет на дыбы
от злости и от нежности любви,
как будто ему губы распороли.

5 января 2025 года

* * *

Злится Людка на мужа, «беспокойного кобеля»:
«Я ему — по часам таблетки и варёные брокколя,
а он ходит мимо меня ни живёхонек, ни мертвец,
собирает вещи в один конец.

Я ж ему и жена, и мать, и сестра, и дочь.
Ну какая ж он сволочь и бестолочь!
Как на даче убраться, заготовить дрова к зиме,
так всё на мне!

Я ж несла домой без утайки заработанные гроши...
Умоляю остаться, а ему хоть кол на башке теши.
У него фиброз и с юности сорванная спина.
Поняла бы, если бы с бодуна.

Но ведь ходит тверёзый что стёклышко и бубнит,
мол, уйдёт — и тогда непременно всех победит.
Дурень старый — очкаст, косорук, горбат!
Ну какой из него солдат?

Его в первом бою же разделают под орех.
За какой мне грех это, Господи, за какой же грех?
Хоть иди за ним — поварихой ли, медсестрой.
Удержал бы строй...»

И он входит в комнату — седовлас, высок.
За спиною сидор, по-обычному — вещмешок.
«Слышь-ка, Людочка, помоги мне», — обращается
он к жене,
как к своей броне.

И она помогает.

6 января 2025 года

* * *

я люблю тебя это мышца систола и диастола
я люблю тебя самая малочисленная диаспора
ты узнаешь меня по красному паспорту

верноподданная кевларовая принцесса
говорят что однажды об этом напишут пьесу
как я вывел тебя из серо-синего леса

и увидели мы горизонт терриконовый да облака
кучевые
поиграй со мной не во взрослые не в ролевые
поиграй словами слова здесь теперь другие

обречённые распадаются не на буквы
человечья душа есть подобье луковки
и порой она вся на плохо пришитой пуговке

как-то держится страшно тронуть а вдруг отско-
чит
ты меня научила читать меж убористых чёрных
строчек
по ладоням шахтёрских дочек

что б там ни было дальше но снись мне как
можно чаще
я хочу чтобы ты всю войну проспала в заколдо-
ванной чаше
а потом пусть разбудит тебя входящий

полуночный звонок в котором не будет страха
я люблю тебя это мышца но всё же птаха
взаперти поющая под камуфлированной руба-
хой

7 января 2025 года

* * *

Разлука — для того, чтоб стать сильней.
Цена ей — сто надорванных рублей,
сто надорвавшихся на нелюбимой службе.
Разлуки силикатный жёлтый клей

сквозь пальцы льётся — жидкое стекло.
Разлук земных проверенное зло —
необходимость быть во всеоружии.
Оттачивай стихами ремесло —

сверкучий скальпель, кисть и карандаш.
Звезда заглянет в январе в блиндаж.
Предупредит, направит, станет свечкой.
Родится автор, он же персонаж,

мифический герой из плоти и души,
которого разлука не страшит.
Он наперёд всё знает и уверен,
что будет май и будут ландыши.

И ты не бойся. Верь. Бери пример.
Наступит май, и русский офицер
вернётся с поля боя на Тверскую
из края терриконов и «химер».

И я его так сладко поцелую.

8 января 2025 года

* * *

Вот бы Кальмиус наш переплыть амфибрахием.
Город смирно стоит — утомлённый солдат.
Мой оранжевый терем от озноба потряхивает,
а тебя всё никак не отпустит комбат.

Говоришь ему: «Там, на проспекте каштановом,
наварила борща моя милая, ждёт.
Он на вкус не похож на борщи ресторанные.
Он — музыка. Шесть точных поваренных нот».

Русский борщ по-донецки — не чудо ли, Господи?
Вот свекольный аккорд, вот капустный дизель.
Никогда не выходит наесться им досыта.
Русский борщ из фаянсовых рук поэтесс.

Остывающий борщ, одинокая горница.
Мама спросит: «Опять не пришёл? Почему?»
И под веками соль по-предательски колется.
— Он женат на войне.
Н е н а в и ж у в о й н у.

9–12 января 2025 года

* * *

Говорят, через месяц война — привычка.
В темноте солдатик чиркает спичкой,

и я вижу его освещённое личико...
Не пиши мне только, что у него лицо.

Ему двадцать, максимум двадцать четыре,
у него ещё губы в сладостях и пломбуре.
И я помню, как с его мамкою в «Детском мире»
выбирали мы этому мальчику пальтецо.

Пальтецо было серым, твидовым, брали его на вырост.
А вчера этот мальчик изо всех своих полт враз вырос.
У его одежды теперь камуфляжный выкрас —
мультикам и мох.

Вот он чиркнул спичкой. Юный и бестолковый.
На ветру стоит, «Фараона» курит, без головного.
Отчитать хотела, но сказала только четыре слова:
«Помогай тебе, мальчик, Бог!»

13 января 2025 года

* * *

Когда я была молода и война была молода,
примеряла я платье цвета топлёного молока.
А война носила бордовое в самый пол
и твердила только один глагол.

«Слышь, война, — обращалась я к ней во сне, —
у меня для тебя есть частица “не”.
Вот, возьми, отдавай, на вкус она — райский мёд.
И никто не объёт.
Будет только йод

да ещё зелёнка
для коленочек-локотков
тех, кто в нашем дворике разделится на врагов
и своих.
И неважно станет, кто победит.
Пусть играют, нагуливают аппетит...»

Хохотала война, что безумица, алым ртом:
«Так и будет, конечно, но когда-то потом. Потом!
А пока что здесь я — царица, а ты — раба.
И тебе, моя душенька, рядить меня в жемчуга.

И отдать мне того, кто жених тебе, свет очей.
С кем тебе посчастливилось только пять ночей

провести, а потом он встал на смертельный путь.
И теперь тебе некому на ресницы дуть».

«Не отдам, — я ответила и оскалилась сукой злой. —
Он вернётся. Он вернётся живым домой.
Он убьёт тебя, дура старая, уродливая карга,
и подарит мне твои чёрные жемчуга».

14 января 2025 года

* * *

Думал ли ты, что сердце твоё — кристалл...
Ночью проснулся резко и осветил квартал.
«Так не бывает», — шепчешь, ищешь клочок бумаги.
Солнце с востока медленно разливает медь.
Думал ли ты, боявшийся онеметь,
что до краёв будешь полон чернильной влаги...

Думал — не думал, но вот же она, течёт...
Знаешь, какой за неё тебе выставят позже счёт?
Лучше не думать, пиши да не ойкой громко.
Чувство такое, словно все вены вспять...
Помнишь тот день, когда дал себя завербовать,
первую встречу, разверзшуюся воронкой?

Думай — не думай, просто сложи в стихи
все её сны, ошибки, сомнения и духи —
сладкие дымные запахи осени оголтелой.
Как вы пойдёте, счастливые, под венец...
Впрочем, напомню, однажды сказал мудрец:
«Нет ничего прекрасней бумаги белой».

15 января 2025 года

* * *

Уже утро, а я к тебе всё ещё без стиха...
Наполняю лёгкие воздухом — сорванные меха,
но наружу ни звука. Тихо, словно рассвет в раю.
И душа ещё молодая, держится на клею.

Ни с какой стороны не отходит, чистая как слеза,
ещё верит в то, что случаются чудеса.
И одно из чудес — твой профиль, когда ты спишь.
А другое — когда вода звонко каплет с крыши

в январе (я пишу, но читается — в янтаре).
Мы застыли двумя стрекозами на заре
этой новой эпохи — безымянной ещё пока.
И над нами плывут поэтические века.

Пусть снаружи хоть что: потоп ли, война ли, мор.
Продолжай из снов своих с душой моей разговор,
обнимай её словом, не бойся, не нанесёшь вреда.
Потому что именно словом обнимают души и города.

Потому что именно слово и есть бессмертие наших душ.
Что до грязно лающих, завистников и кликуш,
то они существуют затем лишь, чтоб был контраст.
Неужели не знал ты? Живёшь будто в первый раз...

16 января 2025 года

Дедушке, Михаилу Семёновичу Ревякину, Прошедшему две войны и заставшему третью...

I

Такой большой — в шинели, под дождём,
ни грамма сходства с площадным вождём,
стоит и свысока на всех нас смотрит.

А мы мельчаем, вертимся, спешим...
А он захочет если — до вершин!
Он помнит, как они «в разведку по три»

ходили по сердитой, лютой мгле.
Они недавно жили на земле —
огромные старшие великаны.

Но враг был тоже грозен и велик.
Об этом написали много книг —
нечитанные старые романы.

А что сейчас? Всё тот же дождь — свинцов.
И снова сотни тысяч молодцов
мужают — набирают вширь и в росте.

Равняются и строгий держат строй,
пока ты пьёшь свой виски на Тверской
и праздно по субботам ходишь в гости.

II

И мне бы осудить, да я слаба.
Я не снаружи, но внутри врага
выслеживаю и беру на мушку.

«Начни с себя!» — мне говорил отец.
Я завтра же на поезде в Донецк
уюду тишину из крана слушать

и грохот от распоротых небес,
молитвы, что летят наперерез.
И маму, посеревшую от горя:

«Когда-нибудь ведь кончится война?»
Мы с мамой наблюдаем из окна,
как берега захватывает море —

Донецкое. Так кладбище у нас
зовётся. Мама говорит: «Не ровен час,
уйду туда лежать с роднёю рядом.

Прикупишь мне сосновый макинтош...»
Порою слово — ядовитый нож.
Не говори так, мамочка, не надо.

III

Что наши жизни для войны? Балласт.
Здесь даже батальон «Донбасс Палас»
по полной платит и сдаёт отчёты

в небесное бюро четырежды в году.
А те, кто стали лучшими в аду,
раз в пару суток провожать кого-то

по новенькой дороге на Ростов
(из края роз, поэтов, блокпостов)
везут на электричку скоростную

Ростов — Вальхалла. Да, такая есть...
И я им не хочу ни в душу лезть,
ни в сердце, как в квартиру обжитую.

И всё же что такое жизнь в раю?
Когда я с первой ноты узнаю
гуток завода и гуденье ветра,

что путается в грязных волосах,
раскладывая смерть на голоса,
ушедших вниз под землю на два метра.

17 января 2025 года

* * *

Нет никаких «сильней» или «слабей»,
есть счастье — полна горница скорбей
и расставаний топкие болота,
где к вечеру сгущается туман...
Блиндаж вы называете «карман»,
войну — «необходимая работа».

А я из всей домашней чепухи
произвожу прозрачные стихи.
Не будешь сыт, но голод всё же стихнет.
Вкус первой строчки — розовый зефир...
Ты не выходишь целый день в эфир,
я спотыкаюсь языком о рифмы.

И злюсь! Какой же я порой бываю злой —
не стихоносной золотой пчелой,
а чёрной восьмипалой паучихой,
сидящей за диваном в уголке.
Застраившая на первой же строфе
подслеповатая бездарная ткачиха.

К полуночи налаживают связь.
И вместо липкой паутины вязь —
декоративное письмо чистовиковья.
Из слов земных, почти всегда пустых,
рождается и тут же плачет стих.
И мне его подносят к изголовью.

И он уйдёт за самый горизонт,
туда, где город-крепость гарнизон
обороняет и несёт потери.
Я не увижу, как он встанет в строй...
Но мне потом передадут: «Сын твой
воюет наравне и укрепляет в вере».

20 января 2025 года

Матвею Раздельному

Мы всё начнём не с чистого листа.
Донецкий кряж — священные места.
И песенка моя из колыбельных
о том, что солнце — рыжий каравай,

а террикон пошёл величием в Синай...
Скорее засыпай, солдат Раздельный.

Пускай тебе приснится город твой,
как мама машет левою рукой,
а после моет окна на дорогу,
до скрипа, до небесной чистоты...
Снимает пожелтевшие бинты,
пока с эпохой ты вышагиваешь в ногу.

Эпохи нашей волокно — кевлар.
Держи удар. Потом нас антиквар
продает построчно в будущем столетье.
Автографы, бракованный тираж,
изношенный дырявый камуфляж.
И эту книгу про тридцатилетних.

Про поколение потерянных в раю.
Я никого из вас не вразумлю,
а впрочем, разве разумом, не сердцем,
рождаются правдивые слова.
Пишу бесшовно под колокола
и выстрелы по новым страстотерпцам.

Вне правд чужих, которым счёта нет,
мой город Да и мой же город Нет
стоит в степи расхристанным изгоем.
Он издали — иллюзия, мираж.
А ты — его бессонный честный страж!
Поспи хоть чуточку перед грядущим боем...

22 января 2025 года

* * *

Канатоходство — с ночи до утра.
Как будто бы под пятками струна,
и я иду, смешно раскинув руки,

тебе навстречу, через шаг дыша.
И держится на петельке душа,
уставшая от длительной разлуки,

окрепшая от чуткости любви.
Поджилочки трясутся, но шаги —
уверенны, пружинны, невесомы.

Держи меня, железная струна.
Смотри в меня, донецкая Луна,
как на тебя смотрели астрономы

столетие назад, когда ты в серебре
являлась на полнеба и в воде
колодезной студёной отражалась.

Беспечная и вечная Луна,
ответь мне, скоро ль кончится война?
Я знать хочу. Я не давлю на жалость...

Канатоходства речевой предел —
когда ты попадаешь под обстрел.
И всё, что было до, волнует мало.

Но Бог спасёт. Пошлёт кого-то к вам,
и ты не попадёшь ни в «Телеграм»,
ни в репортаж по «Первому каналу».

Прожить бы так — без чёрных новостей.
Я становлюсь тебе сестрой-сестрой-сестрой,
хожу над пропастью, беседую с Лунюю.

Она молчит в ответ, что тот немтырь,
и заливает серебром пустырь,
и множит-множит-множит паранойю...

25 января 2025 года

* * *

грязь январская
за пределами блиндажа
человек не прощается
уходит без багажа

говорит
всё что нужно имеется в рюкзаке
а потом вдруг шутит мол налегке

умирать сподручней
ведь даже ручную кладь
разрешат ему вряд ли с собою взять

человеку этому около тридцати
ему по полю пашенному
предстоит ползти

огибать терриконью тушу
поросшую бурьяном
когда в зале перед концертом
включается метроном

я всегда вспоминаю
как папа меня учил
ясноглазый папа
пришедший домой с ночи

говорил своей попрыгунье и дерезе
то что я хочу сказать тебе до БЗ

не шути со смертью
она с юмором не в ладах
мой отец был долго
в её любимейших сыновьях

уважал
но голову не желал склонять
называл её
когда пили за павших
мать

каждый раз
когда в ночь на шахту он уходил
то спускался по лестнице
не касаясь перил

так легко он
смертный
спускался навстречу ей
человек осознавший
что со смертью одних кровей

29 января 2025 года

Саше

Не надо слёз, от них невоготу.
Тарашу глаз на зданий наготу,
на их нутро, разбитое снарядом.
Течёт из крана рыжая вода.
Мне дед мой обещал, что никогда...
А вышло вон как. Град спешит за градом.

Над ухом дрон. В народе — комарьё.
Был раньше дом. Теперь нам лишь жильё
снимать в чужих дворах под звёздами чужими,
но под ногами вертится земля.
Мы всё равно с тобой одна семья.
Я помню, что заранье знала имя...

Ты мой Адам. Мальчишка среди звёзд.
И между нами не один блокпост.

И что ещё придумали там люди,
чтоб разлучать горящие сердца.
Моё — в сплошных уродливых рубцах.
Твоё — золотое яблоко на блюде.

И всё осталось в памяти моей,
наш город-сад, ещё не мавзолей.
Скамейка, путь до школы и обратно.
Зачем нам эти опыт и тоска,
седая прядь у нервного виска...
Мне до сих пор, мой милый, непонятно.

31 января 2025 года

* * *

Кто умирал, тот знает наперёд,
как треснет лёд, как перекосит рот
от крика, низведённого до стона.

И неба южнорусский купорос
задаст последний на земле вопрос.
А дальше только нега да истома.

А помнишь, как вы «на изжоге»* шли
по выжженной степи, по нелюбви,
по двум параграфам учебника? На танках.

И было всё прозрачно и светло.
И сердце русское за горизонт вело,
особо не печалась об останках.

О смерти разве думает герой,
когда он на доске перед турой
стоит. Ни дать ни взять простая пешка.

И падала подбитая ладья...
А во дворах теперь играет ребяшня
в войнушку, и твою усмешку

приклеивает к собственному рту.
— Приём-приём, мы взяли высоту.
Я так хочу, чтоб ты гордился ими.

---

* «Мы проскочили этот участок на изжоге», — комментарий Арсена Павлова (позывной Моторола) о поездке под миномётным обстрелом.

У вас же есть там наверху какой-то чат?
Смотри, здесь целый выводок волчат.
Они все носят твоё бронзовое имя.

2 февраля 2025 года

I

Любовь — сфумато на полотнах Леонардо,
мелодия и тайна перикарда.
Мне было тридцать в тот последний год,
когда война — ещё всего лишь слово,
вдруг зазвучало, словно бред душой больного,
и чем-то красным перепачкало мой рот.

Я подмечала зрением момента,
как пропадают из ассортимента
привычной марки сигареты и чулки.
Как улицы пустеют и сирены
пугают тех, кого мы позже пеной
военных дней окрестим. В дневники

они попали вопреки той боли,
которую на мерзком валидоле
мы пережили в первый год войны.
Да так и остаются на страницах
моих друзей теперь чужие лица.
Но только я их почему-то со спины

привыкла вспоминать за эти годы.
Но иногда в случайном пешеходе
твои черты — глаза и седина.
И кажется, что не было разлуки.
И ты, такой премудрый, близорукий.
И я в тебя полдня как влюблена.

II

Сейчас мне сорок — возраст бестолковый.
И между нами долгий ледниковый
период тишины. Погибший звук
немстителен, но в январе в двадцатых
я непременно выхожу пернатых
кормить. И не отдёргиваю рук.

Они клюют с моих ладоней зёрна,
и прошлое, что стало стихотворным,
как будто бы чуть менее саднит.
Как будто бы его почти не жаль мне.
Ну сколько можно гнать исповедальный
словесный волокнистый оргалит.

И видеть сны о том, что не случилось.
И в будущем обозревать унылость —
в прожилках камень, на плечах ярмо.
А что война? Мы примирились с нею.
Она порой поёт, как Лорелея,
а иногда садится у трюмо

и просит расчесать её тем гребнем,
который ты мне подарил в последний
перед отъездом чёрный-чёрный час.
И я чешу ей спутанные космы,
не вспоминая, как однажды космос
просвечивался звёздами сквозь нас.

5 февраля 2025 года